

ческого беса-искусителя, нашедшего воплощение во многих произведениях мировой литературы, вспомним М.Булгакова «Мастер и Маргарита», где в свите Воланда был Азazelло). Вкусив плод знаний (одновременно богатства и разврата), Феййюз порождает на свет семерых детей-уродов, воплощающих основные человеческие пороки, о чем свидетельствуют и их «говорящие» имена - Силяхир (насилие), Федаир (расчет-выгода), Джихангир (завоеватель мира), Зюбейр (упрямство), Демир (железо), Зехир (отрава), Незир (обет). Первые четыре из них - отвратительные карлики, прожигающие жизнь в пьяных оргиях с проститутками в отцовском доме, а последние три - разбойники, грабящие честных людей и живущие в пещере в горах.

Монстры бессознательного произрастают в романе Анара из, казалось бы, самых рациональных общественных групп, жизнь которых регламентирована строгими правилами и установками: это маленькие, провинциальные анатолийские городки-захолустья и деревни (рассказы «Проклятье короля Бидаза», «Путешествие к святыням/хадж», «Чудовище Эзине»), школы-пансионы («Солнечные дни»), современная турецкая семья («Чудовище Эзине», «Любовь вора», «Вино и хлеб», «Ребенок, сошедший с небес») и др.

В рассказе «Чудовище Эзине», который в сокращении мы приводим ниже, в городке с вымышленным названием Эзине всё, начиная от рождения человека до его смерти, происходит по веками устоявшимся порядкам. Даже сваха женит молодых людей по определенной «правильной закономерности»: кривых с кривыми, глухих с глухими, низкорослых с низкорослыми и т.п. Так, четверых сыновей вдового мясника она решает соединить с четырьмя дочерьми милой вдовушки бухгалтера, чтобы при этом и сами вдовцы создали семью. Рассчи-

тав все до мельчайших деталей, она практически доводит дело до свадьбы, и только глупая случайность рушит все ее планы. Любопытная соседка разбалтывает сплетню по городку, что якобы в доме мясника живет огромное чудовище-крыса, которую, мол, сама она собственными глазами и видела. Слухи о чудовище доходят до вдовушки, и свадьба расстраивается. Таким образом, огромная крыса (не-людь), воплощающая собой зло коллективного бессознательного, рушит в один миг рациональные устремления людей. В романистике Анара такое зло лишено антропоморфных черт, оно всегда со звериным оскалом.

В другом рассказе романа, который называется «Ребенок, сошедший с небес», Анар развенчивает репрессивную структуру современной семьи, основанную на «эдиповом комплексе» страха перед родителями. В ней каждый из родителей стремится «вылепить» из ребенка, которого по счастливой случайности на старости лет им принес аист, свой идеал, а в результате появляется некий гибрид девочки-мальчика. Станный ребенок в зависимости от обстоятельств вынужден надевать на себя разную одежду, которая и определяет его поведение. В конце концов, не вынеся гнета родителей, ребенок бросается вниз с балкончика минарета и погибает.

Романистика Анара свидетельствует, что писателем второй волны турецкого постмодернизма продолжает волновать проблема человеческого существования в сложной, нестабильной, «ускользающей» реальности современного турецкого общества, которое они не приемлют. Их человек такой же нестабильный и «разорванный», как и сама реальность. Постмодернистский герой-«обманка»/симулякр не в состоянии совладать со своими бессознательными инстинктами, жертвой которых он чаще всего сам и оказывается.

РАССКАЗЫ АФРАСИАБА*

(ГЛАВА ИЗ РОМАНА)

ЧУДОВИЩЕ ЭЗИНЕ

Время было полуденное. Половина дня уже осталась позади, когда они отправились в тот квартал. Человек-смерть, повернувшись к старику, сказал: «Я уверен, что найду там Узун Ихсана (Длинный Ихсан)¹. Но путь наш не близок, ведь мы пойдем через весь

ИХСАН ОКТАЙ АНАР

(Турция)

поселок. К тому же сейчас самое пекло. Давай-ка расскажи мне какую-нибудь историю подлиннее, чтобы скоротать эту невыносимую дорогу. Хорошо? Как она будет называться?»

Джеззар-деде (Дед-Кровоийца), подумав немного, ответил: «Чудовище Эзине».

Человек-смерть удивился: «Что-то больно странное название для любовной истории. Уж не страшилку ли ты мне собираешься подсунуть! Смотри у меня!»

Но старик сделал вид, что не услышал его слов, и начал рассказывать о «Чудовище Эзине».

В те времена, когда провинция еще была провинцией, то есть приблизительно 30-40 лет назад, жи-

* Перевод по: İhsan Oktay Anar. Efrasiyabın Hikayeleri. İstanbul, İletişim Yayınları, 1998.

Рассказ «Чудовище Эзине» приводится в сокращении.

тели маленьких городков и поселков, по правде говоря, имели большее пристрастие к правилам хорошего тона. Все от мала до велика не скупилось на соблюдение правил воспитания, вежливости и этикета. Нынешние взрослые-то помнят об этом смутно, а наши деды - очень хорошо. Однако, вероятно, самой горькой стороной тех лет было то, что в провинции стать госпожой, женщиной во всех смыслах возвышенной и благородной, было очень сложно. Потому что доставка в такие городки пудры, шелковых чулок, румян, креп-жоржета для юбок, сатина для блузок, габардина для женских «двоек» (пиджак, юбка) и, самое важное, тканей «из чистого шелка», увлажняющего крема для лица, крючков для подвязок, которые заказывались агентам, находящимся в больших городах, занимала из-за безразличия почтового управления недели, а иногда даже и месяцы. Но женщины, вынужденные жить в тех районах, терпя лишения по причине важной службы их мужей, были настолько терпеливы и многоопытны, что могли встретить эти и подобные им трагедии только с каплей слез на глазах. Добродетелями, возвышающими женщину до положения благородной госпожи, считались чистоплотность, ловкость и умение в домашних делах, привлекательность и уважение со стороны своего мужа. При этом чистоплотность, видимо, вообще представляла собой некую загадку, которую ни один человек, кроме женщины, не смог бы легко разгадать. С другой стороны, если смотреть глазами мужчины, то самым важным из домашних дел было приготовление еды. И действительно, в небольших городках и поселках того времени кухни, на которых хозяйничали женщины, являлись местами поистине таинственными. Потому что верили, что если блюдо вкусное, то у него обязательно должно быть «тонкое место», тайна. Эту тайну чужим не открывали, а желающим получить рецепт состав блюда рассказывался не полностью, таким образом, его тайна, прямо-таки как тайна Зулфикара (меч Пророка Мухаммеда),

передавалась по наследству от бабушки к матери и, наконец, к внучке, благодаря чему она становилась предметом гордости для женщин всей семьи. Прежние госпожи с достоинством выполняли и свои обязанности по отношению к мужьям: женщина того времени, в отличие от нынешних дамочек, не считала для себя унижительным помыть ноги своему господину, который вернулся вечером домой усталый и измученный. Кроме того, эти женщины, признаться, были правы на все сто в том, что сдували пылинки со своих мужей и боготворили их. Поскольку некоторые из их благоверных были старшими сержантами и даже начальниками налоговой службы, а то и заместителями заведующего финансовой частью уезда. Как должен признаться каждый, успех мужей в важных служебных делах всегда был предметом особой гордости для их жен.

И вот одной из таких славных, благородных дам прежних лет была вдова по имени Хамийет (Благородство), которая жила со своими четырьмя дочерьми-невестами в небольшом городке под названием Эзине. Судя по тому, что рассказывают, чтобы привязать к дому своего мужа, говорить плохо о котором будет неправильно, поскольку он скончался, эта женщина на протяжении многих лет раз в день кормила его ослиным языком, который обильно поливала соусами и сдабривала приправами. Однако в то время, когда волшебное свойство такого кушанья привязывало его к семейному гнезду, непомерно высокий холестерин, которому способствовала эта еда, развязал веревку, связывающую душу бедолаги с его телом. Хамийет, которой не очень-то улыбалось счастье после того, как она осталась вдовой, посвятила свою жизнь обучению дочерей науке о том, как вертеть мужчиной, как воспрепятствовать его походам на сторону и привязать его к дому. И все это делалось ею лишь с одной целью, чтобы их судьбы не были похожи на ее собственную, чтобы они смогли найти себе по одному щедрому, добросердечному, солидному, лощеному мужу.

Имена ее дочерей были Джильвеназ (Кокетливый каприз), Генленаз (Сердечный каприз), Ишвеназ (Жеманный каприз), Алемназ (Земной каприз). Самая младшая Алемназ была писаной красавицей, луноликая, с глазами пугливой серны, с губками бантиком. Но три волоска - один рыжий, два черных - на ее большом как у мужчины подбородке могли бы испортить ее красоту, если бы их раз в два дня не выщипывали пинцетом. У Генленаз такой неприятности не было. Видевшие девушку называли ее «очаровательной как цветок». Причиной же пробуждения глубокого чувства в тех, кто имел возможность вдоволь насмотреться на ее красоту, был взгляд девушки, точнее то, что ее правый глаз всегда смотрел на левый. Но Ишвеназ была красивее даже этой своей сестры: блестящие миндалевидные глаза были маленькими, близко посаженными друг к другу. Самая же старшая Джильвеназ, как и остальные сестры, знала, что она самая красивая из них, и никогда не сдерживала себя, высказываясь об этом открыто. Но завистники выдавали свою зависть разговорами о том, что нос у нее постоянно растет из-за фиолетовой родинки, находящейся на самом его кончике. А вот мать девушек Хамийет была женщиной смазливой и белотелой, довольно дородной, с приятным лицом. Будучи прямо-таки в разы красивее своих дочерей, она к тому же еще обладала и умом. Она могла догадаться припудрить на лице кожу, испещренную глубокими порами, и замазать темным тональным кремом бородавку на подбородке. Некоторые завистники поговаривали, что у нее слишком маленькие глаза, меж тем это было верно только для ее левого глаза.

Мать с дочерьми жили в квартале Зюрефа (Прелестный) городка Эзине, в деревянном доме, доставшемся им в наследство от умершего главы семейства, вместе с задним садом, окруженным высокой стеной. Женщина на пенсию вдовы довела дочерей до средней школы, и даже двух последних отдала в женское профес-

сиональное училище. Когда переполненным знаниями и науками преподавателям по кройке и шитью, возраст которых уже перемахнул за тридцать пять, а счастье найти суженого так и не выпало, хотелось поточить лясы на уроке, они заводили бесконечные разговоры с ученицами о мудрости семейной жизни, о способе выйти замуж за достойного человека. Замужество было настолько жизненной, настолько щекотливой темой, что школьные наставники бранили девушек, руки которых не имели навыков к шитью, приговаривая и заставляя бедняжек плакать: «Так твой суженый никогда не появится! Так и будешь всю жизнь сидеть и смотреть в окно на улицу, впустую ожидая своей судьбы!» Ну и смотри, что получается, когда ученицы подобных училищ вырастали и сами превращались в таких женщин, как их матери и Хамийет, им становилось ясно, что в сущности в этих заведениях и учиться-то было особо нечему. Но все же представление о хороших манерах, сервировке стола и европейской кухне, граммофоне, танго и самба они там приобретали. Правда, дочери Хамийет-ханым* для такого рода танцев были толстоваты. Хамийет, отчитывая своих дочерей, измеряющих сантиметром талии и бедра, раздражалась тирадами: «С чего это вы так прониклись европейскими манерами? Плакать здесь не о чем! Мужчины не собаки! На кости не бросаются!» В сущности Хамийет в этом своем приступе гнева, который становился причиной тайного хихиканья девочек, была по-своему права. Потому что она верила, что существует османская женщина. С ее точки зрения, та, которую она называла такой женщиной, должна была быть в теле, с довольно округлыми и рыхлыми формами. Османская женщина должна была накрывать стол с раки² для мужа, когда тот, бедняжка, приходил домой усталый и нервный, она должна была его развлекать, не обращая внимания и не обижаясь на хулиганские словечки и ворчание несчастного мужчины, устав-

* Ханым - женщина.

шего и изможденного необходимостью тащить на своем горбу непомерно тяжелый жизненный груз.

В их доме день проходил приблизительно так: как только занималась заря, первой с постели всегда поднималась младшая дочь, а уж потом она будила старших сестер. К тому моменту, когда дочери приготовили завтрак, можно было будить Хамийет. После завтрака для Хамийет варили горький кофе, и бедняжка курила первую утреннюю сигарету. Ну и, представляешь, так как в доме было дел невпроворот, то это удовольствие долго не могло продолжаться, вставали из-за стола и сразу же приступали к повседневным рутинным обязанностям. Когда Хамийет с колотушкой в руке и с сигаретой во рту выбивала ковры, одни девочки терли водой с содой полы в доме, а другие либо стекла вытирали, либо посуду мыли. Когда домашняя работа заканчивалась, все вместе пили кофе, чтобы снять усталость.

Четыре дочери, самой младшей из которых было двадцать четыре, а самой старшей - тридцать один год, вот уже многие годы, с тех пор как достигли возраста зрелости, боролись с некоторыми труднопреодолимыми желаниями, обжигающими их души и сердца как огонь. С этой точки зрения в доме были прямо-таки четыре бочки с порохом, готовые в любую минуту взорваться от одной лишь искры. Но пока что не выпало еще ни одного счастливого случая, способного погасить огонь в душах несчастных девушек. Хамийет-ханым, в конце концов, решила пойти к известной в Эзине свахе Нафиле-калфа³.

Прозвище «сваха», которым женщину называли за глаза (в лицо из вежливости и страха называли Нафиле-калфа), считалось настоящим постыдным, что и произносить-то его было не очень прилично. Поэтому когда к ней обращались, это прозвище - неучтивое, неделикатное, вне всяческих правил приличия и воспитания - никогда не упоминалось. В свои далеко за сорок Нафиле-калфа была старой девой. Ее возраст вот-вот

должен был приблизиться к пятидесяти, но прожитые годы не очень ее изменили: старая и безобразная мегера в сущности была таковой и в молодости. Потому и не появился тогда перед ней кандидат в мужа, который был бы способен потушить огонь у нее между ног. По мере того, как она видела, что сверстницы выходят замуж, жар адского огня иссушал в ней капля за каплей живительные масла женщины, сделав ее, наконец, сухой как вобла, тощей-претощей. Другой момент, раздувавший угли зависти в сердце бедняжки, заключался в том, что в собственных глазах - с точки зрения внешней и внутренней красоты - она видела себя ничуть не ниже, а намного выше окружающих ее людей. В конце концов, она начала пристально наблюдать за греховностью женщин, отпуская упреки в их адрес. Так она превратилась в острую на язык сплетницу. Но в то же время она понимала, что в этом нельзя переусердствовать: это могло стать причиной ее выдворения из общества, а тогда она не смогла бы видеть ошибки людей, захлопывающих перед ее носом двери, и упрекать их за эти ошибки. Ей необходимо было найти способ, как войти в их дома. Вот поэтому она и выбрала занятие свахи. Поэтому, как только Хамийет-ханым посетила сваху и настоятельно попросила найти для четырех ее дочерей подходящих во всех отношениях мужей, голова Нафиле заработала, и она с жаром взялась за дело, чтобы подыскать девушкам четырех братьев-женихов. В случае удачи эта свадьба должна была стать вершиной ее мастерства свахи, а ее имя - оказаться на слуху у всего Эзине. Проведя немалую изыскательскую работу, воспользовавшись при этом всем своим опытом и умением, в конце концов, женщина положила глаз на четырех взрослых сыновей вдового мясника из квартала Хойратлар (Вульгарный).

И действительно, в те времена в квартале Хойратлар была лавка, которую называли «Мясник удовольствия» и в которой даже особо привередливые покупатели спо-

койно делали покупки. Всеми делами в ней ведал мужчина, который, несмотря на то, что ему уже перевалило за пятьдесят, имел молодецкую, мужественную наружность, с рыжими волосами и румяными щеками, и на которого большинство квартальных женщин - красивых и некрасивых, молодых и старых - бросало томные взгляды, обращаясь к нему почтительно - Айваз-бей⁴. Его жена, скончавшаяся двадцать четыре года назад, оставила ему четырех сыновей-крепких, имена которых были Селяхаттин (Благо веры), Джелалеттин (Величие веры), Низаметтин (Закон веры) и Хюсаметтин (Меч веры). Некоторые же особы женского пола, чрезвычайно интересовавшиеся семейным положением мужчин, поскольку они искали для себя мужей, называли хозяина лавки Вдовый мясник. Хотя внешне мясник был груб и неотесан, в душе его жила тонкая натура художника. В сущности, это было ясно и по тому, как он устраивал стеклянную витрину в своей лавке: к примеру, превосходного ягненка он размещал на витрине так, чтобы его сердце, селезенка и легкие свисали из разрезанного живота в виде супового набора, заставляя покупателей глотать слюнки. Но тонкий душевный склад был не единственным достоинством Айваза-касаба (Хирург-мясник). Он был в то же время и хорошим отцом. Своих отпрысков, вошедших в пору зрелости и время от времени проявлявших непокорность, бестактность и невоспитанность, он нередко вразумлял подзатыльниками, не забывая при этом и обучать их семейной профессии мясника, у истоков которой стоял еще его дед. Айваз-касаб не скупился на подарки сыновьям, одев каждому на руку по золотому браслету. А старшему, Селяхаттину, после того как тот стал настоящим мужчиной, он вообще открыл филиал лавки в отдаленном квартале Эзине. У нее название было как у космических кораблей, которые показывали в кино - «Удовольствие-2». Средние сыновья, Джелалеттин и Низаметтин, работали на муниципальной скотобойне, Хюсаметтин же оста-

вался при отце. Айваз-касаб и его сыновья слыли людьми чистоплотными. Чтобы это признать, достаточно было даже мельком окинуть взглядом верхний этаж деревянного дома, внизу которого находилась их лавка. Когда, поднявшись по каменной лестнице, ведущей из лавки наверх, открывали железную дверь, то попадали в шестикомнатную просторную квартиру, в которой пять комнат не использовались, а одна служила для отца с его четырьмя сыновьями и кухней, и спальней, и умывальной. Кроме того, в ней же каждый месяц еще и стирали белье, поручая это дело, конечно же, младшему сыну Хюсаметтину.

Старший сын Селяхаттин пошел в отца, став тучным молодцом. Чтобы избавиться от такой утренней заботы, как причесывание, он взял себе за правило подстригаться «под нулевку». Один из средних сыновей - Джелалеттин, наоборот, волосы отращивал и тщательно причесывал. О своей шевелюре он так усердно заботился, что каждый раз, когда они ходили в баню, он, чтобы не испортить прическу, волосы мочил не сильно и мылом их не намыливал. У Низаметтина же не было такого глубокого внутреннего мира, как у Джелалеттина. Поэтому он, как это и полагалось настояющему мужчине, смотрел на жизнь реалистичным, то есть безразличным, отсутствующим взглядом. Младший же Хюсаметтин впитал в себя все то лучшее, что было в его братьях. Но безупречную физиономию этого форсистого парня портили прыщи, из-за чего он и писал письма в разделы «Ваши проблемы со здоровьем» разных газет, умоляя спасти его от прыщавой напасти. Поскольку в семье он был самым младшим, большая часть домашних дел считалась его обязанностью. Помимо стирки, на его долю выпадало мытье и подметание полов в доме. Но парень эту тяжкую работу выполнял, по правде сказать, честно, с достоинством, поскольку никогда не относился небрежно к чистоте. Действительно, каждую неделю ровно час он с веником в руке подметал комнату, где они спали, и ко-

ридор, по одной собирал кости, брошенные во время еды на пол. Остальные же пять комнат, так как их не использовали, ему подметать было не нужно. Шестая комната, по меткому выражению парня, была «комнатой грязи», куда он сметал весь мусор, поскольку совка для мусора у него не было. Когда со временем из-под двери запертой комнаты повалил смрадный запах, малый благодаря своему острому уму решил и эту проблему, теперь после каждой уборки он бросал по два совка золы на мусорную кучу. Его отец даже и не догадывался о происходящем. Кроме того, эта комната находилась аккуратно над самой лавкой. Однажды мусорная куча в комнате сгнила, а под ней прогнили и половые доски, и все то, из чего она состояла, - остатки еды, кости, куски жилистого мяса, головы ягнят, мозги, ровно двадцать одна крыса и бесчисленное количество тараканов - вместе с полом обрушилось вниз как кошмар на находящихся в лавке отца и четырех его покупательниц. В то время как крики женщин, которые там же лишились рассудка, дошли аж до самых небес, Айваз-касаб бросил секач вслед убегающим через открытую входную дверь крысам и раздавил пару-тройку тараканов. Хюсаметтин, которого отец собирался отдубасить по первое число, должен был вычистить до блеска всю эту грязь. Парню, поднаторевшему в вопросах чистоты, удалось справиться с этой работой с помощью мыльного порошка, хлорки, соды и крысиной отравы, а главное - четырех котов, мобилизованных им для расправы над всеми этими мерзкими тварями, повадившимися жить и кормиться в тутошней грязи.

Однако после того дня в доме начали слышаться жуткие вопли какого-то странного существа, которое осталось живым, несмотря на килограммы крысиной отравы, и которое, судя по тому, как оно радостно орало в полночь, вероятно, даже питалось этой отравой. Видевшие его клялись, что оно было огромным и черным, с красными горящими глазами, с длинными и острыми зубами. Айваз-касаб, ко-

нечно, время даром не терял и в полночь с деревянными вилами в руках устроил на зверя засаду, загнав его в угол и вонзив в темноте вилы во что-то мягкое, но на чудище это не подействовало, оно только ревело без остановки то ли от боли, то ли от ярости. Как раз в ту темную ночь отец с сыновьями и увидели, как сверкали белые острые зубы мерзкой твари. Было ясно, что чудовище, несмотря на то, что оно жило в грязи и только ею и питалось, хорошо ухаживало за своими острыми зубами, которые составляли его единственный жизненный капитал. Когда ни крысиная отравка, ни вилы не возымели действия, Айваз-касаб принял решение класть каждую ночь по два окка⁵ мяса в комнату, где обосновалось чудище, чтобы оно хотя бы не покусало их, пока они спали. По ночам он и его сыновья слушали в ужасе отвратительное чавканье и рыгание твари, которая теми своими страшными зубами с хрустом перемалывала кости и разрывала на части куски мяса, насыщая ненасытную утробу. Все эти беды навалились на них от того, что, будучи мужчинами, они не очень могли справляться с домашними делами. Так что уже было просто необходимо, чтобы какая-нибудь женская рука коснулась дома. Но, видимо, не так-то просто было найти женщину, которая смогла бы отважиться на это дело. По сути, и парням уже давно было пора жениться. Поэтому сильно опечаленный мясник посетил сваху по имени Нафиле-калфа и поведал ей о своем горе.

Нафиле-калфа выслушала равнодушно до самого конца Айваз-касаба, который с затуманенными от слез глазами жаловался на то, что ему уже невмоготу выносить горести вот уже двадцатичетырехлетней холостяцкой жизни. Было ясно, что он нуждался в утешении. Именно поэтому несколько слов, сорвавшихся с уст Нафиле-ханым, его сильно разволновали: сваха сказала, что есть четыре сестры, которых знает одна ее знакомая. Мясник вытер слезы, поднялся со своего места и припал к рукам женщины, его сердце бешено колотилось. А как только он спросил:

«Скажи правду! Какие они? Красивые? Хорошо готовят?», она ответила: «Да погоди же ты. Не слишком обнадеживайся. К тому же такие вещи в спешке не делаются. Дай-ка мне лучше немного подумать. Придешь через неделю, вот тогда и потолкуем». Понятное дело, что Айвазу-касабу ничего не оставалось, кроме, как только и надеяться на Нафиле-калфа. Выйдя из дома свахи, он все еще думал о девушках. Самое лучшее, чтобы они не были бы ни красавицами, ни дурнушками, но чтобы умели хорошо готовить и справляться с домашними делами, чтобы сладостными речами и улыбающимися лицами ублажали бы своих мужей. А уж при таком раскладе глава дома отважился бы простить некоторые недостатки своей жены. Но поскольку девушки понравились Нафиле-калфа, их красота не вызвала сомнений.

На следующий день сваха поднялась на чердак, достала огромный сундук с приданым, до которого не дотрагивалась вот уже аккурат двадцать пять лет, и подошла к зеркалу. Облачившись в белый наряд, который она положила в нафталин четверть века назад, сваха направилась к дому Хамийет-ханым. Конечно же, по дороге она просчитывала все, что собиралась говорить, придумывала разные хитрости. Когда она, прошагав неблизкий путь, достигла, наконец, своей цели, план в ее голове окончательно созрел. Нафиле-калфа, не теряя времени, крикнула тем, кто находился в саду: «Эй, Хамийет, послушай-ка! Держи на этих днях свой дом прибранным! Привалит вам счастье в виде женихов, вот увидишь!», и медленными шагами продолжила свой путь. Ей было слышно, как у нее за спиной захихикали охваченные волнением девушки, как стукнула в спешке садовая калитка, и как вслед за этим раздался топот деревянных сандалий Хамийет, которая, не помня себя, выскочила на улицу и понеслась за ней. Хотя бедняжка и кричала: «Эй! Нафиле-абла⁶! Постой!», сваха невозмутимо продолжала идти, даже не утруждая себя обернуться и посмотреть назад.

Только будто бы замедлила шаг. Наконец, Хамийет-ханым, запыхавшись, ее догнала: «Да стой же! Про какое ты там счастье говорила? Прошу тебя зайти в дом и выпить кофе!». И вот, представляешь, Нафиле опять ноль внимания, хотя время все объяснить уже пришло. Нафиле-калфа после того, как выдержала изрядную паузу, одним махом выложила Хамийет-ханым всю подноготную четырех сыновей мясника: «Есть четыре брата. Их отец ищет каждому по подобающей девице, приятной наружности, доброго нрава и хорошего воспитания. Таких девиц много, но мне на ум именно ваши пришли. Я даже об этом уже заикнулась их отцу. Бейэфенди (господин) предложил пойти, посмотреть. Но не похоже, что дело выгорит. Лучше бы мне было не соглашаться! Потому что парни очень привередливые, изнеженные кривляки. Господа есть господа!», после чего она предприняла попытку удалиться. Но от Хамийет-ханым не так-то просто было отвязаться. «Ну что ты такое говоришь, Нафиле-абла! Стой! Дело-то ведь это доброе. Ты хоть зайдди, поговорим», - твердила она, зазывая сваху в дом. Та же, не поддаваясь на уговоры и продолжая свой путь, твердила: «Послушай, такое дело в спешке не делается. Самое лучшее - не очень-то губы раскатывать. По сути, кандидаты в женихи слишком уж разборчивы и занудны, навряд ли им кто-нибудь понравится». Правда, сделав несколько шагов, она снова обернулась и сказала: «Но если ты заинтересовалась, заходи ко мне послезавтра, поболтаем минут пять, конечно, если захочешь». Хамийет-ханым, раздираемая противоречивыми чувствами интереса и беспокойства, была не в состоянии сдвинуться с места, ошарашенно смотря вслед удаляющейся свахе. Уж не потому ли Нафиле сказала, что ее дочери, прекрасные как розы, не понравятся четверем упомянутым претендентам, что сама она на каждую красавицу смотрела с завистью. К тому же сваха разнарядилась и намазалась как дешевка. А может, ей на сердце запал один из них? Узнать это было слож-

но, но ясно было одно, что за этим делом что-то кроется. По этой причине Хамийет-ханым всю ночь, не смыкая глаз, думала-гадала. Однако с наступлением утра, несмотря на то, что она так утомила свою голову, вопросов стало не меньше, а, напротив, еще больше. И, будучи уже не в состоянии бороться с раздирающим ее любопытством, она решила отправиться в дом к Нафиле-калфа. Как бы то ни было, сваха была ее единственной связью со стороной женихов.

К полудню она достигла дома Матракукаджи⁷ Нафиле, и хотя она стучала весьма настойчиво, дверь так никто и не открыл. Ясное дело, дома никого не было. Хамийет-ханым, готовая расплакаться от отчаяния, совсем уже собралась повернуть назад, как вдруг окно наверху распахнулось, и сваха прокричала, глядя вниз: «Хамийет-ханым! Я дома, заходи!» Недоброжелатель мог бы подумать, что она с самого утра ждала женщину у окна, а когда в дверь постучали, намеренно не открывала, чтобы заставить ее потерять надежду. В сущности, своим успехом в качестве свахи она была обязана умению довести человека до нужного градуса перед тем, как сказать свое последнее слово. Хамийет же просто места себе не находила от любопытства, подогреваемого отсутствием сведений о потенциальных женихах и странным видом свахи. Наконец, Хамийет-ханым узнала от нее, что четыре возможных жениха - сыновья самого богатого в Эзине мясника. Их умершая мать была известна как госпожа, отличающаяся особой щепетильностью в отношении собственной гигиены. По сути дела, на пороге смерти она попросила, чтобы ее муж и сыновья принесли Коран и, положив руку на книгу, поклялись ей. Согласно ее завещанию, сыновья должны были каждый день в бане растирать и вымывать нижнюю часть своего тела, через день менять носки, по четвергам подстригать ногти, каждый вечер перед тем, как лечь спать, выслушивать все наставления отца, особенно по поводу чистоты. Их отец, согласно завещанию, должен был заставить

общество признать в его сыновьях людей светских, взыскательных, чистых, вежливых, имеющих хорошие манеры. В связи с чем теперь ему предстояло выполнять не только отцовские, но и материнские обязанности. В сущности, единственной вещью, которую требовала от него по завещанию жена, было содержание души и тела семьи в чистоте. Согласно дополнительному пункту завещания, фотография женщины в увеличенном виде должна была быть распечатана квартальным фотографом в количестве пяти экземпляров, вставлена в рамки с подписями «ТВОЯ МАМА ТЕБЯ ВИДИТ» и развешана во всех комнатах дома. Но самое главное, она должна была быть повешена в уборной, являющейся поистине местом преступления, притягивающим к себе разного рода нехорошие проступки. Но и это еще было не все. Бедная женщина потребовала, чтобы они расписались в специальной тетради, в которой разъяснялось до самых мельчайших деталей то, как следует выполнять разные дела, типа готовки еды, мытья посуды, стирки и уборки, и сказала, что после Корана - это второе священное писание, заветам которого они должны строго следовать. Как только их мать умерла, утонувший в трауре отец сразу же открыл эту тетрадь, чтобы успокоить душу покойной, и начал скрупулезно выполнять все предписания. Самое важное заключалось в том, что один пункт в завещании бедняжки все еще не был выполнен. В соответствии с ним мяснику следовало жениться на женщине, которая смогла бы управлять домом. Покойная четко прописала фигуру и характер своей будущей преемницы после того, как мясник станет вдовым: его новая жена должна была быть в теле, знать правила приличия и разбираться в домашних делах. И вот поскольку он уже многие годы не мог найти похожей женщины и изменял памяти усопшей, то его глодала тоска. Нафиле-калфа, выдавая Хамийет-ханым эти сведения относительно мясника, торжественно произнесла: «В сущности, отец парней аккурат та-

кую, как я, и ищет». Как только она многозначительно улыбнулась своей гостье со словами: «Вот увидишь, я еще стану свекровью для твоих дочерей», Хамийет-ханым сразу же осенило. Она поняла, с чего это Матракукаджи Нафиле так вырядилась.

Вечером сваха, отправившись прямехонько в квартал Хойратлар, повидалась с Айвазом-касабом и передала ему добрую весть. Сторона девиц соблаговолит принять в благословенную пятницу сваху и претендентов на руку сестер. У отца, услышавшего добрую весть, прямо-таки от сердца отлегло, и, возможно, впервые за долгие годы его лицо осветила улыбка. А уж как обрадовались его отпрыски, до которых дошло благое известие! И словно такого количества счастья им не хватало, так сваха завела разговор о матери девиц. По словам свахи, мамаша потенциальных невест Хамийет-ханым тоже самоотверженно искала того, кто оказался бы способным претендовать на всю ее жизнь, сердце, любовь, душу и тело. Из болтовни Нафиле выходило, что единственным счастьем бедной женщины стало бы мытье ног ее суженого, вернувшегося вечером в семейное гнездышко после трудов праведных, переодевание его в пижаму, усаживание бедняжки за стол, ломящийся от всяческой вкуснятины, и уж если совсем повезет, рождение для него ребенка. Когда Нафиле-калфа произносила эти очень важные слова, в глазах Айваза-касаба, попеременно сменяя друг друга, то гасли, то разгорались искры надежды и сомнений, но, тем не менее, он слушал ее с большим вниманием. И вот, представляешь, парни, поскольку они были добродушными весельчаками, стали бурно выражать свои чувства, поднимая вокруг себя невероятный шум. Было похоже на то, что от поднятого шума, точнее суматохи, забеспокоилось и огромное чудиче, прижившееся в шестой, самой опасной комнате дома. Потому что переполненные радостью и весельем парни забыли положить появившемуся из подземных стоков для нечистот и удобно располо-

жившемуся в грязи их дома чудовищу крысиную отраву. Зверь, о котором они молились, чтобы он как можно скорее состарился и сдох, поскольку ни прогнать его, ни уничтожить не представлялось возможным, остался голодным и занервничал.

Парни в ту ночь, по правде говоря, не могли спокойно спать. Потому что на следующее утро они ни свет, ни заря должны были вместе с Нафиле-калфа, которая взяла у их отца на расходы по три праведных алтына на нос, отправиться на рынок Эзине и обновить свой гардероб. На следующее утро братья под надзором Нафиле-калфа, выйдя на рынок, пошли в знаменитую на все Эзине портняжную лавку Конта⁸.

Когда же за день до смотрин, то есть после полудня в четверг подмастерье из портняжной лавки Конта принес одежду, парни решили, что все приготовления, таким образом, были закончены. Не ведали они, что наиболее мучительное из того, что можно было выдумать, было припасено женщиной под самый конец. В ту ночь, когда погода вдруг испортилась, в дверь позвонили, и Айваз-касаб спустился вниз. Открыв дверь, он подумал, что существо, очертания которого с трудом различались в темноте, было медведем или чем-то вроде того. Это был знаменитый банщик по имени Йахья⁹, которого Нафиле-калфа вызвала телеграммой из Дерсаадета¹⁰. Он должен был у них переночевать, а с приходом утра помыть как следует парней, хорошенько отдраить их, как того требовало его ремесло. У банщика действительно был жуткий вид, просто ошеломляющий. На следующее утро, когда он показался в саду в банном переднике на талии и в деревянных сандалиях, величие его громадных размеров, скрытое темнотой ночи, при свете дня проявилось уже со всей очевидностью. Банщик Йахья разжег в саду большую кучу дров. Потом поместил на треножник котел и наполнил его водой. Когда же вода в котле начала бурлить, он принес табурет и позвал рукой первого парня. Судя по тому, как банщик

сопел носом, было ясно, что к делу он подходил с большой серьезностью. Самый старший из братьев, на котором был только банный передник, подойдя к громиле с видом барана для заклания, сел на табурет, и в этот момент банщик, зачерпнувший из котла целый таз бурлящей адским кипением воды, опрокинул его на бедолагу, ошпарив с головы до пят. Вот так малый, последний раз посетивший баню три месяца назад, и был окрещен банщиком Йахья. Кипяток размягчил его грязь, и банщик Йахья вспенил мыло и хорошенько намылил его от макушки до ног. Потом, надев на правую руку банную варежку, левой рукой обхватил кандидата в зятя за затылок и прошелся ему несколько раз вверх и вниз от копчика до шеи, сдирая кожу несчастного. Грязь многих дней, недель и даже месяцев комками спадала со спины парня. Таким образом только на одну его голову банщик измылил ровно пять кусков мыла, а на само туловище извел подчистую целых три банных варежки. Наконец, перевернув на него медный ковшик воды, он хорошенько прополоскал это тело, очищенное от грязи и нечистот. В конце концов, кандидат в зятя, понурый, ни живой, ни мертвый от страха, кряхтя и охая, отправился в дом, освободив банный табурет для следующего брата. Но действие по подготовке к смотринам еще не закончилось, поскольку Нафиле-калфа позвала к ним в дом и квартального парикмахера, чтобы тот хорошенько побрил молодцов.

И вот, одна из знаменитых сплетниц городка, Маймун Санийе (Вместо обезьяны) жила в квартале Хойратлар, как раз напротив дома Айваза-касаба. И пусть лицом она была лишь немного похожа на обезьяну, но уж нравом своим эта женщина довольно пышных форм была, как пить дать, мартышка мартышкой. Маймун Санийе на самом деле очень интересовалась происходящим в домах людей, не гнушалась она и совать нос в отношения между соседями, как же, ведь интересно же знать, кто кого любит, а кто кого ненавидит. Вздорный характер женщины до-

полнял острый язык, на который то и дело попадали соседи. С другой стороны, Маймун Санийе была очень довольна и тем, что жила прямо напротив дома Айваза-касаба. Потому что в пределах видимости у нее находилось пятеро холостых мужчин, за которыми можно было день-деньской наблюдать, проверять, кто к ним входил и кто выходил. В придачу и сама лавка была у нее как на ладони! Особенно после полудня женщина, приготовив себе горький кофе, удобно устраивалась у окна и, попыхивая скрученной сигаретой, наблюдала за покупателями мясной лавки, силясь определить по количеству купленного ими мяса, ждут ли они к вечеру гостей, и вообще каково их материальное положение. Ей-богу, в дом этих пятерых холостяков до того дня ни одна женщина, кроме Нафиле-калфа, и в помине не заглядывала. Да и та, в сущности, была старой каргой, которой давно перевалило за сорок. Однако после ее прихода в душу Маймун Санийе закрался червь сомнения. Вот поэтому-то, когда Нафиле-калфа пришла и, взяв парней, ушла, она тоже торопливо выскочила из дома и, последовав за ними, рассмотрела происходившее по порядку, одно за другим: как под надзором свахи в портняжной лавке Конта с них снимались мерки, как заказывались штиблеты и как на головы примерялись фуражки. Как пить дать, все эти приготовления были ради благого дела. После того дня женщина уже не отрывала глаз от окон мясника. Заметив в пятницу утром дым от разожженного в саду мясника костра, ей вообще стало не до разговоров, теперь она прямо-таки лопалась от любопытства и нетерпения. Потому Маймун Санийе быстренько спустилась к себе во двор и прислонила лестницу к крыше. Ей стоило большого труда вскарабкаться на крышу, несмотря на свой почтенный возраст, но уж отсюда сад соседа был виден как на ладони. Да, было ясно, как божий день, что дело было благое: значит, вечером сыновья мясника должны были идти на смотрины. Маймун Санийе, приоткрывшая таким образом за-

весу тайны, много часов наблюдала за парнями, которых драил банщик, браня и отвешивая подзатыльники. Потом она спустилась с крыши и направилась прямехонько в лавку мясника. У нее был предельно ясный план. Просунув голову через дверь лавки, она с волнением, словно принеся печальную весть, закричала: «Айваз-эфенди! У тебя в саду дым! Уж не пожар ли?». Мясник же ответил: «Нет, это не пожар. Вода греется». Тогда Маймун Сание, вроде как успокоившись, спросила: «А что, разве два дня назад ты белье-то не выстирал?». Мяснику ничего не оставалось делать, кроме как ответить: «Нет, парни моются». Старая ведьма с сомнением задала новый вопрос: «Сразу все четверо?», на что ему уже пришлось раскрыть свои карты: «Да, вечером пойдут на смотрины». Все шло по плану. Маймун Сание продолжала выспрашивать: «Аааа! Желаю удачи! А к кому свататься-то будете?» А как только Айваз-касаб ответил: «К четырем дочерям одной вдовы», женщина не упустила удобного случая, чтобы вставить свое слово: «Да разве так можно! Как же можно идти одним в тот дом, где нет мужчины! А если соседи судачить начнут? Разве ты хочешь, чтобы твои сыновья женились на девицах, о которых ходит дурная слава? Рядом с вами на смотринах должны быть три-четыре женщины». По правде говоря, голова у мясника пошла кругом. Хотя с ними и должна была пойти Нафиле-калфа, но судя по словам ведьмы, такого числа сопровождающих женщин было недостаточно. Маймун Сание, почувствовав, что душу мясника гложут сомнения, еще больше прицепилась к бедняге. Когда она настойчиво твердила: «Слушай, Айваз-эфенди. Я ведь знаю и тебя, и твоих сыновей. Знаю вас как людей честных и порядочных, не засматривающихся на чужих жен да дочерей. Если хотите, то я тоже ради благого дела пойду с вами на смотрины. Неужто не знаешь, что холостяцким глазом невесту не выбирают. Женский глаз зрит женщину в корень. Так в счастье твоих сыновей и я внесу свою лепту. В при-

читающейся мне толике жизни и я совершу благодеяние, буду в раю за вас молиться», мясник мялся, не давая определенного ответа. Женщина, хорошо знавшая о том, насколько правильно ставить человека перед совершившимся фактом в те моменты, когда он находится в нерешительности, не давая ему опомниться, спросила: «Ну, что, я побежала собираться? Вы во сколько пойдете на смотрины?». Как только растерявшийся мясник промолвил: «Через два часа», так сразу и понял, что он в сущности уже ответил женщине «да». Но слово не воробей, вылетит не поймаешь¹¹. Маймун Сание таким образом добилась желаемого.

Сгорая от нетерпения, Маймун Сание смогла усидеть дома только час. Когда она позвонила в дверь Айваз-касаба, до смотрин еще была уйма времени. Но женщина и это время, конечно же, не собиралась тратить попусту. Для тщательного изучения обстановки в доме у нее как-никак был еще целый час. Поэтому, последовав за Айвазом-касабом в гостиную на втором этаже, она притворилась уставшей и уселась на диван. И, правда, женщина превратилась прямо-таки в специалиста по вопросам слежки и выпытывания чужих секретов. Совершенно не испытывая неловкости в чужом доме, словно она была одной из домохозяек, вышла из комнаты и спустилась вниз, поскольку в ее планы входил и пристальный осмотр сада. Но там, к великому сожалению сплетницы, кроме банщика, подметавшего каменный пол, разбрызгивая воду, уже никого не было. Вид мужчины, одетого в один лишь банный передник, заставил Маймун Сание стыдливо прикрыть лицо краем платка, повязанного у нее на голове, и снова зайти в дом. Айваз-эфенди в прихожей рассчитывался с парикмахером. Женщина краем глаз тут же пробежалась по содержимому его кошелька: в нем было аккуратно семь банкнот и женская фотография. Ей не составило труда определить, что эта фотография, снятая и отретушированная в фотоателье «Акации», принадлежит вдове по имени

Хамийет, которую она знала по местному клубу при Народном доме¹² Эзине. Убедившись, что на верхнем этаже никого не осталось, поскольку парни увидели в окно пришедшую Нафиле-калфа и радостно сбежали вниз, Маймун Сание медленно вскарабкалась по ступенькам в гостиную. В сущности, и здесь ей больше нечего было смотреть, но оставались еще другие комнаты, двери которых она принялась открывать, тщательно изучая внутренность каждой. Правда, когда обнаружилось, что четыре из них пустые, разочарованию сплетницы не было предела. Наконец, дошел черед до последней комнаты. Когда дверь со скрипом открылась, женщина увидела темноту внутри. Окна были плотно закрыты. Как только ее глаза привыкли к темноте, она сделала один-два шага вперед, осмотрелась по сторонам и тут же заметила, что пара красных глаз окинула ее сурово с головы до ног, оценивая каждое движение бедняжки. Вот тут-то сердце у нее и ушло в пятки от страха. Она хотела закричать, но не смогла, крик застрял у нее в горле. Прошептав молитву, какое-то время подождала. А поскольку страх сковал ей руки и ноги, прямо-таки заставив оцепенеть, то, в сущности, она была и не в состоянии сделать что-либо другое. Чудовище, сверлившее незваную гостью злобным и колючим взглядом, вопреки всему, как будто бы простило женщину. Вот почему бедняжка, ощутив толику силы в ногах, крадучись, направилась к двери. Так, именно на долю Маймун Сание и выпало распустить слух о чудовище Эзине.

Через неделю Эзине был взбодражен новостью, приведшей умы в оцепенение. Да, четыре сестры готовились к обручению с четырьмя братьями, опять же в строгом соответствии роста и пышности форм друг другу, но самым важным было то, что одновременно мать девиц и отец парней, видимо, задавшись целью состариться на одной подушке, тоже воспылали страстным желанием пожениться. Жители городка, точно также не выносившие неопределенности,

словно знатоки воздержания и логики, которые гоняются за порядком, гармонией, равновесием, тоже пребывали в волнении от величественной симметрии этого благостного дела. Джильвеназ просто обязана была выйти замуж за Селяхаттина, Ишвеназ за Джелялеттина, Генленаз за Низаметтина и Алемназ за Хюсаметтина, а Хамийет-ханым соединиться в брачную ночь с Айвазом-беем, чтобы таким образом веками установленный мировой порядок, не дай бог, не был бы нарушен. И вот уже посыпался град поздравлений, разнеслись до небес сплетни. Короче, женская сторона была довольна, а мужская счастлива.

И смотри, что произошло, когда жители поселка, тоскующие о таком же счастье, обсуждали до хрипоты подобную благодать, некоторые нечестивцы начали распускать небывлицы. Вот как раз Маймун Санйе и была одной из такого рода людей. Женщина, которая ходила на смотрины вместе с Айвазом-касабом и Нафиле-калфа, когда заходила речь о свадьбах двух семейств, упрямо молчала или твердила: «Кое-что видела и знаю, но не скажу. А то гнездо разрушится, и я грех на душу возьму. Никогда в рай не попаду», заставляя горожан корчиться от любопытства. Эти свои слова она повторяла аккуратно целый месяц. Ее так называемый расчет был прост и ясен. В этом бренном мире спокойно, как отдавший богу душу покойник, может спать только тот счастливый человек, который знает ровно столько, сколько ему положено. Чтобы лишить его спокойствия, по ее мнению, было достаточно лишь заставить его поверить в то, что есть что-то, о чем он не знает. И вот как раз это-то женщина и сделала. Ее метод оказался настолько действенным, что бывало даже ночью к ней в дверь стучались раздражаемые любопытством соседи и спрашивали ее о той тайне, которую она скрывала. Вдруг однажды одна соседка с побледневшим от ужаса лицом выскочила из дома Маймун Санйе и, тяжело дыша, помчалась к дому другой женщины. На ее лице было выражение разочарования

и страха. Как только она торопливо выпалила своей подруге, открывшей дверь: «Ой-ой-ой! Вот горе так горе! Как бы до ушей Хамийет не дошло! Слыхала? Оказывается, в доме Айваза-касаба чудовище есть! Ты только послушай, что я тебе сейчас расскажу!», вторая от удивления поднесла руку ко рту и, округлив глаза, как гадалые камни, пробормотала: «Да-а-а! Правда? Вах-вах!».

Слух так быстро разлетелся по округе, что Айваз-касаб, работавший в поте лица в лавке, расположенной аккуратно на нижнем этаже упомянутого дома, сначала и не придавал значения тому, что количество его покупателей вдруг резко сократилось. Все - друзья-приятели, соседи - смотрели на него как на неудачника, которому до смерти остался по меньшей мере месяц. Может, из-за того, что он был честным и порядочным человеком, он никак не мог уразуметь, что место, где он жил, стали называть «домом чудовища». Ну и, конечно же, настоящая трагедия не замедлила произойти. Цепочка слухов достигла дома Хамийет-ханым, а как только женщина прослышала о том, что в доме, в который она сама и ее дочери должны войти хозяйками, поселилось чудовище, бедняжка сильно расперевжалась. Понятное дело, нужно было начистоту поговорить с Айвазом-эфенди. Но поскольку паре, не зарегистрировавшей брак, встречаться и разговаривать открыто перед всеми негоже, она написала записку, которую и послала претенденту на собственную руку и сердце. В соответствии с ней стороне женихов нужно было снять другой дом. И вот ведь задача, представляешь, мясник в денежном плане в тот момент был слаб, и силенок у него не хватало, чтобы выполнить такое требование. Как пить дать, их сглазили. Но, как ни крути, главным же виновником этой трагедии было чудовище-крыса, которое, выбравшись из стока нечистот, докучало их дому. Мясник, знавший, что переезд в новый дом для него невозможен, начал прикидывать в уме и так и сяк, как ему уничтожить чудовище. Зверюга выдерживала даже самую

сильную отраву, и было не шибко-то и похоже, чтобы она собиралась умирать своей смертью. Мясник пошел к одному родственнику и взял у него взаймы охотничье ружье. Он уже мысленно представлял себе, как загонит чудовище в угол комнаты и убьет, а после привяжет его труп к веревке и вывесит из окна, чтобы соседи увидели и прекратили, наконец, сплетничать. Обуреваемый подобными чувствами, он посоветовался с сыновьями. По его расчетам, чудовище должно быть уничтожено во время сна, то есть ночью. К тому же это нужно было сделать как можно скорее. Таким образом, мясник еще днем почистил и смазал свое ружье, а после вместе с сыновьями начал с волнением ждать приближения темноты. У него в кармане было ровно пять патронов. Когда слышался призыв к вечерней молитве, он, прошептав: «Во имя Аллаха», засунул один из них в ружье. Сыновья же зажгли керосиновые лампы. Потому что, прицеливаясь, их отец должен был хорошо видеть свою цель. Когда все приготовления были закончены, они тихонько поднялись по лестнице и подошли к проклятушей комнате, где спало чудовище. Потом, повернув ручку двери, тихонько ее приоткрыли, и керосиновая лампа слегка осветила комнату. Чудовище действительно спало. Отец направил на него ружье и прицелился. Однако мерзкая тварь, привыкшая просыпаться с петушиным пением, которое доносилось каждое утро из соседнего курятника, приняла щелканье затвора ружья за крик петуха и мгновенно открыла глаза. Ну и все было кончено, зверь, в красных глазах которого играли жесткие искры, оскалил острые-преострые зубы и, брызгая слюной из пасти и ноздрей, зарычал. Сейчас роли поменяться, чудовище, бывшее несколько раньше, во время сна, объектом охоты, открыв глаза, само превратилось в охотника. И аккуратно тогда, когда оно бросилось на свою цель, отец спустил курок и ружье выстрелило. И смотри, что вышло, лишь самая малая часть дроби вонзилась в цель, сделав при этом чудовище более агрессивным и раздра-

женным. Как только взбесившаяся от злости тварь издала ужасный вопль, лица находившихся в комнате людей побелели как полотно. И все пятеро кинулись к двери. Но поскольку дверь была слишком узкой, отец споткнулся и растянулся во весь свой рост. Когда парни побросали керосиновые лампы и изо всех сил помчались прочь, чудище вскочило со своего места и, проскакав по лежавшему на полу человеку, кинулось в погоню за убежавшими. От брошенных горящих керосиновых ламп сразу же вспыхнули ярким пламенем половые доски и занавески на окне в прихожей. Начался пожар. Мясник пытался потушить пламя, но напрасно. Тогда он бросился вниз по лестнице, ища спасения на улице. А там уже и все сыновья собрались. Пламя пожара скоро объяло весь дом. Жители городка, заметившие пожар, повыскакивали на улицу, кто в чем был. Они наблюдали это третье по счету большое событие, которое произошло в Эзине за один месяц. Почти каждый из них думал, что, в сущности, несчастный дом терзает, палит и сжигает не пламя пожара, а проклятие чудища. Короче говоря, замечательные планы-расчеты Айваз-касаба во имя собственного счастья и счастья своих сыновей закончились полным фиаско. И вот поэтому-то эти пятеро неженатых мужчин, у которых сгорел дом, с того самого дня аккуратно семь месяцев вынуждены были спать на дощатом полу в мясной лавке «Удовольствие-2», которая была открыта для старшего сына на другом конце Эзине, и, стало быть, оказались в полном смысле слова в жалком и бедственном положении.

Расторжение уговора о свадьбе женской стороной в связи с той бедой, которая произошла по неожиданному и невероятным причинам, конечно же, шло вразрез с установленным порядком, жизнь оказалась безжалостной. После побега из дома младшей дочери Хамийет-ханым со скрипачом, развлекавшим народ на свадьбах, одна из ее средних девиц выскочит замуж за молочника преклонных лет, а другая, оставив записку ма-

тери с просьбой больше ее не искать, умчится в город, страстно желая стать кинозвездой, и только самая старшая из дочерей останется при матери. Когда дом мясника с треском горел, исчезая с лица земли, Айваз-касаб как будто бы видел все эти будущие события в пламени пожара.

На следующий день посреди развалин дома начал шевелиться пепел. Из-под него сначала показались красные глаза чудовища, а потом и оно само. Несмотря на то, что пожар давно потух и руины дома остыли, огромная крыса, проведшая очень жаркую ночь, была чрезвычайно злой и агрессивной. Потому что от норы, где она должна была произвести на свет потомство, остался один лишь пепел. Она должна была искать новое прибежище, в котором могла бы родить и благополучно вскормить своих отпрысков. С наступлением ночи крыса покинула тот район, где вот уже многие годы успешно охотилась и вдоволь набивала брюхо, и начала бегать по темным улицам в поисках своей судьбы. Но, похоже было, что ни один из домов ее не устраивал. Она останавливалась у дверей, обнюхивала пороги, но в том воздухе, который она в себя втягивала, она никак не могла уловить запахов съестного, которое пришлось бы ей по вкусу. И даже когда до восхода солнца оставалось совсем мало времени, чудище-крыса все еще бродила. Наконец, она подошла к деревянному дому. Это место зверюга избрала не сама, а прямо-таки судьба ее навела. В доме, который ей так понравился, жила вдова с четырьмя дочерьми на выданье. Несмотря на то, что стена сада была выше человеческого роста, крыса одним махом перепрыгнула через препятствие и оказалась внутри сада. Она добралась до большой трубы, по которой выливались из дома сточные воды. И вот она уже оказалась на кухне. Крыса, в чреве которой было семеро детенышей, двинулась по дому беззвучно, стараясь не испугать хозяев. Она искала для себя подходящее место. Ну и ну, представляешь, как ей не по-

везло, в доме была идеальная чистота. Через приоткрытую дверь платяного шкафа она забралась внутрь и увидела там наглаженные и аккуратно сложенные простыни, наволочки и пододеяльники для гостей. Вот здесь-то она и нашла укромное от посторонних глаз место. Новая нора для семерых ее детенышей, которые вот-вот должны были появиться на свет, была выбрана.

*Перевод с турецкого
О.В. КАРЕВОЙ*

¹ Все имена в романе являются «говорящими». Чаще всего они соответствуют характеру или внешности героя (например, Человек-смерть, убивающий всех на своем пути). Но есть имена, как в данном случае, которые представляют собой прямую противоположность сущности носящих их персонажей (типичный постмодернистский прием карнавализации языка). Дед-Кровопийца - ни тиран и ни кровопийца, а, наоборот, чрезвычайно добрый, мягкий, миролюбивый человек, который за всю свою жизнь и мухи не обидел.

² Раки - анисовая водка.

³ Нафиле - напрасно, впустую; калфа - прислуга, экономка, надзирательница (над рабынями).

⁴ Айваз - помощник хирурга на военных кораблях (ист.), хирург. Существует пословица: «Что хирург, что мясник - одно и то же», и один и другой работают ножом для человека.

⁵ Окка - мера веса, равная 1,283 кг.

⁶ Нафиле-абла - тетюшка Нафиле.

⁷ Матракукаджи - набор неблагозвучных слогов, призванных в данном контексте означать что-то нехорошее, отталкивающее, хитрое, типа «пройдоха», «негодная» и т.п.

⁸ Аллюзия на французского философа, основателя позитивизма Огюста Конта.

⁹ Аллюзия на коранического пророка Йахья и библейского Иоанна Крестителя.

¹⁰ Дерсаадет - историческое название Стамбула.

¹¹ Досл.: Но стрела из лука уже вылетела.

¹² Народные дома в республиканской Турции открывались правящей кемалистской партией в основном в провинции в пропагандистских и культурно-просветительских целях.